

До нашей с Сергеем свадьбы оставалось чуть больше месяца, а точнее сорок один день. И сегодня я сказала себе: «Катя, пора проститься с детством, ты становишься взрослой женщиной!» — хотя особой сентиментальностью не отличалась.

Я была одна дома и решила устроить торжественные проводы прошлого. В шкафу я отыскала коробку, в которой хранились первые напоминания о моем приходе в этот мир. Я достала оттуда крошечную голубую распашонку и попыталась представить в ней себя — маленькую, розовую, орущую во все горло, чтобы сообщить о своем появлении. Понюхав ее, я не почувствовала запаха молока; от распашонки пахло хозяйственным мылом. Сложив ее, я достала свою пустышку и маленькую бирочку, которую мне надели на руку в роддоме. Это был обычный кусочек больничной клеенки с прорезанной дырочкой и бинтом, который повязали мне когда-то на ручку. От старости клеенка свернулась, и, расправив ее, я прочла: «Девочка, 3, 100 кг, Левченко». Вот так просто, а за этой надписью — вся моя жизнь. В этой маленькой коробке хранилась еще красная погремушка в виде медведя. Мама говорила, что, среагировав на нее, я и подарила миру первую улыбку. Последним, что я там обнаружила, был мягкий, пушистый желтый медвежонок, которому я погрызла нос. Я долго с ним спала, до первого класса — это я хорошо помнила. Наверное, теперь я не скоро смогу вот так, сидя в своей комнате, в любой момент открыть свои сокровища и вернуться в далекое прошлое, ведь мне предстоит покинуть родительский дом и поселиться отдельно — уже не в качестве любимой единственной доченьки, а в качестве жены. Тяжело вздохнув, я сложила все обратно в коробку и поставила ее на место в шкаф. «В конце концов, — успокоила я себя, — я буду приходить к родителям в гости и смогу еще не раз достать ее содержимое».

Следующую коробку собирала мама. Здесь были мои первые рисунки — солнышко с отвалившимися лучиками, грибок, шляпка которого почему-то существовала отдельно от ножки, и девочка, нарисованная красным карандашом под красным солнцем и такого же цвета надписью «мама».

Тут лежали мои первые тетрадки с каракулями и дневники за все годы учебы. Это было уже не так интересно, ведь они пестрели красными четверками и пятерками. Я была примерной ученицей, которая за время учебы умудрилась ни разу не получить замечание. «Молодец!», «Умница!», «Отлично!» — писали мне учителя, а мама с удовольствием ставила в конце страницы свою размашистую подпись. «Зато не стыдно будет показать дневники своим детям», — решила я и сложила их обратно.

Наверное, самые интересные из моих реликвий — это фотоальбомы с многочисленными фотографиями. Почти на каждой странице я с Сергеем — моим будущим мужем. Сколько я себя помню, мы всегда были вместе. Так получилось, что мы с ним оказались в одной и той же группе детского сада. Хорошо помню, как Сергея привела первый раз мама и он стоял с перепуганными глазами и не шел играть к детям. Тогда я подошла к нему и взяла за руку.

Командовать им я начала с первого же дня. Сначала Сергей подчинялся мне как новичок, потом уже по привычке. Жили мы недалеко друг от друга — в соседних домах, поэтому пошли в одну и ту же школу. И опять на первом звонке держались крепко за руки, боясь затеряться среди толпы таких же первоклассников с огромными букетами. В классе нас посадили за одну парту, а позже мы уже не хотели расставаться и сами садились рядом. Сергей тоже учился хорошо, и мы отлично уживались. Не знаю когда, но как-то незаметно он стал моим защитником и принял роль лидера на себя. Конечно, я иногда фыркала, пытаюсь отстоять свое «я», но Сергей воспринимал это спокойно, как девчоночьи капризы.

Трудно сказать, когда я впервые посмотрела на него другими глазами. Думаю, это произошло после шестого класса, когда мы бродили по двору и внезапно загремел гром и начался ливень. Тогда, прячась от дождя, мы забежали в ближайший подъезд. Мой сарафанчик полностью промок, а в подъезде сквозь выбитые стекла дул ветер, и скоро я продрогла и начала стучать зубами. По привычке я прижалась к Сергею, пытаюсь согреться. Он обнял меня за плечи, и тут я прямо перед собой увидела его

губы. Сережка что-то говорил мне, но внутри меня разгорелся непонятный жар, и я ничего не слышала, видела только его красивые, немного полноватые уста, к которым меня невероятно тянуло. Не в силах сопротивляться, я медленно приближалась к нему, и наконец наши губы сомкнулись в первом робком поцелуе. Он показался мне сладким на вкус и вызвал желание все повторить. Мы опять поцеловались — уже более смело, но все равно я не могла поднять на Сергея глаза от стыда. Я испытывала смешанные чувства: мне было стыдно и приятно.

С того момента мы стали относиться друг к другу как-то иначе. Нечаянное прикосновение руки вызывало у меня прилив внутреннего жара, и начинал учащенно биться пульс. Сережка стал дарить мне цветы, и я начала ходить к нему на свидания. Так мы гуляли, взявшись за руку, больше года. А однажды, когда мы учились в восьмом классе, мои родители уехали в загородный дом с ночевкой и Сергей пришел ко мне.

— Катюша, я принес диск с порнухой, — сказал он. — Посмотрим?

Мне, конечно, было очень интересно, но для приличия я сначала воспротивилась:

— Ну зачем ты приволок эту гадость?

— Интересно ведь. Давай немножко посмотрим. А на тот случай, если тебе не понравится, я захватил боевик. Идет?

— Ну давай, только немножко, — согласилась я, изображая безразличие.

Мы были одни. В комнате царил полумрак, и на экране обнаженные тела выделяли такое, что мы не заметили, как оказались друг к другу очень близко. Наше дыхание стало горячим и учащенным. От близости Сергея у меня закружилась голова и захотелось быть еще ближе к нему. Мы не заметили, как, лаская друг друга, оказались полностью обнаженными на диване.

— Я хочу тебя! — прошептал горячо Сергей, и я страстным поцелуем ответила «да».

Помню, как желание близости на миг прервалось пронзившей тело острой болью, а затем меня охватила эйфория.